

Сидни Клейм

Двадцать лет на антресолях

<https://litres.ru/74394787>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет кисти Анны пролежали на антресолях — рядом с дипломом, медалью и словом «хорошо», которое когда-то казалось взрослостью. На рабочий стол ложится конверт без адреса: «Ты тоже рисуешь?» В тот же день Олег тычет в бумагу и говорит: ерунда, лучше доделай отчёт. Начальник устраивает разнос при всех. Молодая коллега обливает водой блокнот. А дома — пыльная коробка, рыжий кот Мурсье и вопрос, на который больше нельзя ответить «хорошо». Это тридцать рассказов о женщине, которая учится выгонять, спорить и рисовать заново. Не подвиг и не сказка: офис, ссоры, мама, которая хлопает дверью, любовь с подгоревшим супом — и точка на пустом листе, с которой начинается завтра.

Сидни Клейм

Двадцать лет на антресолях

Двадцать лет на антресолях

Сидни Клейм

Рассказы · истории про женщин · 16+

Аннотация

Двадцать лет кисти Анны пролежали на антресолях — рядом с дипломом, медалью и словом «хорошо», которое когда-то казалось взрослостью. На рабочий стол ложится конверт без адреса: «Ты тоже рисуешь?» В тот же день Олег тычет в бумагу и говорит: ерунда, лучше доделай отчёт. Начальник устраивает разнос при всех. Молодая коллега обливает водой блокнот. А дома — пыльная коробка, рыжий кот Мурсье и вопрос, на который больше нельзя ответить «хорошо». Это тридцать рассказов о женщине, которая учится выгонять, спорить и рисовать заново. Не подвиг и не сказка: офис, ссоры, мама, которая хлопает дверью, любовь с подгоревшим супом — и точка на пустом листе, с которой начинается завтра.

Часть I. Серый апрель

1. Конверт без адреса

Анна пришла без четверти восемь. Чай, блузка, мокрый апрель. В кабинете пахло пылью от батареи.

Наташа уже сидела за перегородкой.

— Кофе будешь?

— Потом.

Олег ночевал у неё. Утром он стоял у стола в её кухне, листал телефон и не спросил, спала ли она. Перед работой зашёл «на минуту» — за зарядкой.

На столе Анны лежал конверт. Белый, без марки, без адреса. Олег ткнул его пальцем.

— Опять какая-то ерунда? Ты бы лучше отчёт доделала. У тебя Петрович и так смотрит косо.

— Я не знаю, что это.

— Ну конечно. Тайны. Тебе бы сериал меньше смотреть.

Он усмехнулся. Не зло. Хуже: снисходительно. Поцеловал в висок и ушёл, не закрыв дверь до щелчка. Анна закрыла сама.

В конверте был листок в линейку. Почерк крупный, неровный.

«Я люблю рисовать. Мне говорили, что это несерьёзно. Я всё равно рисую. Ты тоже рисуешь? Надеюсь, что да.»

Подписи не было.

Анна прочитала дважды. В горле сжалось. Двадцать лет кисти лежали на антресолях. Она стала бухгалтером и человеком, который говорит «хорошо».

Наташа заглянула:

— Кто пишет?

— Не знаю.

— Выброси. Нервы дороже.

Анна не выбросила. Убрала в сумку — между ключами и футляром очков.

До вечера сводила суммы. Олег написал: «Купи борща в кулинарии. Я к восьми. И не сиди над бумажками, глупо выглядишь».

Анна смотрела на сообщение. Потом на конверт. Потом ответила: «Хорошо».

Слово вышло само. Как всегда.

Наташа за перегородкой приглушила голос:

— Он опять командует борщом?

— Не твоё.

— Моё, когда ты серая до обеда. Ладно. Молчи. Я видела.

Петрович прошёл мимо, бросил на стол папку:

— К трём. Без «потом». И чтобы блокноты с картинками в стол. Я не слепой.

Анна задвинула конверт глубже. Цифры сошлись. Рука хотела на поле веточку. Не нарисовала. Ещё нет.

Дома она поставила борщ. Олег опоздал на час, ел молча, сказал «нормально» и лёг с телефоном. Анна мыла тарелки и думала о чужом листке. Кто-то всё равно рисует. А она варит борщ человеку, которому её рисунки — ерунда.

— Ты сегодня тихая, — бросил он в спину. — Не дури. Мне спокойная нужна.

Она не обернулась.

Перед сном достала карандаш. Покрутила. Посмотрела на антресоли над дверью.

Там была коробка. Двадцать лет.

Олег захрапел. Анна поставила табурет к двери. Тихо. Чтобы не разбудить. Руки уже знали, зачем.

2. Коробка

Пыль пахла бумагой и старым клеем. Анна стояла на табурете, держась за косяк. Олег спал. Сердце стучало громче, чем надо для ночной кухни.

Первой попалась коробка из-под обуви — гирлянды. Дальше шапки. Потом синий картон, обклеенный скотчем.

Она спустилась и села на пол. Крышка поддалась.

Дождь над двором. Яблоня у бабушки. Синий чайник — тот, что до сих пор у мамы. Портрет учительницы Нины Петровны. Девочка на велосипеде с папкой.

В углу мелкое: «Аня». Не Анна.

Кисти на дне, ворс слипся. Медаль в футляре. Диплом «с отличием», резинка лопнула сразу.

Анна заплакала тихо, без всхлипов. Олег повернулся за стеной и буркнул:

— Ты чего шумишь? Ночь.

— Воды попила.

— Ну так пей тихо.

Она сидела среди своих двенадцати лет и не вытирала щё-

ки. Никто не видел — и это было почти милостиво.

Коробку обратно не задвинула. Поставила у стены в комнате. Письмо положила сверху.

Утром Олег споткнулся о картон.

— Это что, свалка? Выброси. Пыль, аллергия.

— Это моё.

— Твоё — это зарплата и чистая кухня. Остальное — детство. Не смейся людей.

Он ушёл без завтрака. Дверь хлопнула уже по-настоящему.

Анна погладила крышку. Прятать снова было бы как захлопнуть дверь перед человеком, который двадцать лет ждал в коридоре.

На работе Инна из соседнего отдела — молодая, с идеальной стрелкой — задержалась у её стола.

— У вас на рукаве пыль, Анна Викторовна. Несolidно.

Анна стряхнула. Не ответила. Инна улыбнулась слишком сладко и пошла к Петровичу с папкой «срочных».

В обед Наташа принесла чай в одноразовом стакане.

— Инна уже Петровичу «пыль» пересказала. Смеётся. Ты бы ей...

— Потом. Сейчас мне коробка.

— Какая коробка?

— Моя. Старая. Не выбрасывай тему.

Наташа подняла брови и заткнулась. Редкое умение.

Вечером Анна купила тонкий альбом. На кассе спросила

«пакет?» — «Нет». Вышла, будто украла. В магазине творчества девушка с пирсингом сказала: «Для ребёнка?» — «Для меня». Девушка кивнула, как кивают «наконец-то».

Дома открыла акварель за семьсот девяносто. Запах ударил сразу. Олег написал: «Сегодня к тебе. Ключ не теряй. И борщ подогрей, я голодный».

Анна посмотрела на коробку. На краски. На «хорошо» вчерашнее.

И не ответила. Подогрела борщ — себе. Его тарелку оставила холодной. Мелочь. Рука уже училась.

3. Уродливый лист

Воскресенье. Олег уехал к матери «на обед, ты не вписываешься». Анна отодвинула штору. Поставила банку с водой, бумагу, кисть.

— Линия. Не шедевр.

Капля на скатерть. Потёк. Пятно. Горизонт уехал вниз.

— Ну же. Ты умела.

Не умела. Двадцать лет запрета не снимаются крышкой коробки.

Лист вышел грязным. Она скомкала, шагнула к ведру — и остановилась.

— Уродливый. И мой.

Засунула в папку, на низ. На поле написала: «Не выбрасывать».

Днём в сквере подросток рисовал на будке. Криво. Ярко.

Анна кивнула. Он фыркнул и продолжил.

Вечером Олег вернулся с пакетом.

— Наварила?

— Нет.

— Анечка. Я работаю. Ты дома. Суп — не космос.

— Я рисовала.

Он засмеялся коротко, как над анекдотом.

— Серьёзно? Покажи.

Она не показала. Он пожал плечами, разогрел пельмени, сел к телевизору.

— Ты без меня пропадёшь. Вернёшься, как все. К нормальной жизни.

Анна мыла кисть до прозрачной воды. Синяя точка под ногтем не отмылась. Оставила.

Наташа написала: «Ты живая? Петрович завтра ор будет по сверке».

«Живая. Сверка на столе».

Потом, после паузы, Наташа: «Инна сегодня Петровичу хвост виляла. Смотри».

Анна и так смотрела. Просто раньше делала вид, что не видит.

Наташа вечером ещё раз:

«Инна сказала Петровичу, что ты “не в себе”. Я рядом стояла. Молчала. Прости. Завтра не промолчу».

Анна ответила: «Завтра. Сегодня мне лист».

Олег из кресла, не глядя:

— Завтра носки завезёшь? Чёрные кончились.

— Завезу. И потом не буду.

Он хмыкнул, будто шутка. Она не поправила. Пока.

Перед сном сказала в темноту, очень тихо, чтобы он не услышал:

— Я хочу рисовать.

Слово не рассыпалось. Этого на одну ночь хватило.

4. Носки

В понедельник в половине восьмого Олег позвонил. Анна уже была в маршрутке.

— Ань. Завези носки. Чёрные. Я на объекте, в сумке дырка. И воды без газа.

— Я на работу еду.

— Ну так заедешь. Ты же не на Луну. Мне неудобно в рваных, люди смотрят.

Он не спросил, как она. Не спросил про сверку. Носки. Вода. Обязанность.

Анна вышла на две остановки раньше, купила носки, воду, опоздала на девять минут. Петрович поднял бровь. Инна громко сказала:

— Кто-то сегодня не торопился.

Олег написал: «Положи у вахты. Не заходи, мне некогда».

Она положила. Вахтёр хмыкнул. Анна ехала обратно и чувствовала себя доставкой.

Вечером достала медаль из коробки. Золотая, лента ис-

тёрлась. Позвонила маме — привычка после унижения: искать голос, который хотя бы спрашивает, ела ли.

— Анька? Газ не пахнет? Кушала?

— Кушала.

— Всё в сером ходишь. Соседка спрашивает, когда замуж.

Я говорю: сначала работа.

Анна смотрела на медаль. Хотела сказать: мам, я достала коробку. Мам, Олег шлёт за носками. Мам, мне письмо без адреса.

— Рецепт пирога не скидывала?

Мама успокоилась: всё съедобное.

— Хорошо, — сказала Анна. И внутри щёлкнуло.

После трубки Олег пришёл сам, нашёл носки уже на себе

— взял с вахты — и лёг.

— Ты сегодня странная. Не дури. Мне спокойная нужна, не с истериками.

Анна сидела на краю кровати. Спокойная. Как мебель. Как кружка.

В кухне он открыл холодильник.

— Опять ничего жирного. Ты худеешь к чему? К циркачам?

— К тому, что ем, когда голодна. Не по расписанию.

Он захлопнул дверцу.

— Характер попрёл. Смотри, не споткнись.

Письмо на крышке коробки спрашивало: ты тоже рисуешь?

Она не ответила ни письму, ни Олегу. Только поставила медаль обратно в футляр. Щелчок. Громче, чем хотела.

Потом открыла альбом. Нарисовала носок. Чёрный, с дыркой. Подписала: «Доставка». Уродливо. Честно. Не выбросила.

5. Слово, которое всё убило

Тогда кухня пахла луком. Анне было пятнадцать. Ультрамарин под ногтем. На столе — листовка училища. Нина Петровна сказала: «Рука есть. Подумай серьёзно».

Мама без фартука, с чашкой. Не злая. Спокойная. Спокойствие обнимало крепче крика.

— Художники не зарабатывают. Ты мягкая. Тебе опора. Бухгалтер — стабильно. Потом вечерами порисуешь. Хобби никто не отменял.

Анна кивнула раньше мысли.

— Хорошо.

Мама смягчилась.

— Умница. Кисти сохрани. На память. Детство не для того, чтобы из него жить.

Дальше — школа, медаль, институт, запах оргтехники. Кисти уехали на антресоли жестом «пока». Пока стало двадцать лет.

Сейчас Анна сидела с письмом и слышала то же слово в собственном рту: борщ, носки, «хорошо».

Олег из комнаты:

— Ты опять в облаках. Выключи свет.

Она выключила. В темноте сказала письму:

— Я тоже рисую. На полях. Рука сама. Да.

Слова не сделали её свободной. Но воздух стал честнее.

Наутро на работе Петрович собрал бухгалтерию у доски.

Когда-то он играл на гитаре в ресторане — это все знали и никто не вспоминал вслух.

— Квартал горит. Кто отвлекается — свободная касса. Яснее сказать?

Инна кивнула так, будто это она держала порядок. Анна смотрела на свои пальцы. Синяя точка. Петрович смотрел на Анну чуть дольше, чем на остальных. Будто чуял чужое «хочу». Зависть бывшего музыканта пахнет кофе и мелом. Анна это поняла позже. Сейчас только сжалась.

Вечером записалась в вечернюю студию. Взрослые. С нуля и заново. Имя. Возраст. «Рисовала давно». Отправила.

Наташа на лестнице:

— Ты куда в таком виде, как на войну?

— В студию. Вечернюю. Взрослые.

— Ого. Я... ладно. Я за тебя. И за себя чуть-чуть. Расскажешь.

Олег спросил у двери:

— Куда ты?

— По делам.

— Какие у тебя дела без меня.

Она взяла сумку.

— Свои.

Он засмеялся в спину. Коротко. Как над человеком, который шутит про зарплату.

За дверью Анна не плакала. Шагала. Это было новое.

6. Петрович

На третий день Петрович остановился у её монитора. В открытом блокноте между суммами торчала ветка яблони.

Он перевернул блокнот так, чтобы видел весь отдел.

— Рабочее время — для цифр, Анна Викторовна. Не для мазни. Мы не кружок.

Инна хихикнула. Кто-то кашлянул. Анна встала.

— Сверка сдана вчера в шесть. Цифры сходятся. Блокнот мой.

— Тон задаю я. Ещё раз увижу — акт. Понятно?

— Понятно.

Он бросил блокнот на стол. Угол загнулся.

После обеда Инна принесла «помощь»: пачку накладных, которые можно было сделать за час, она растянула на вид «Анна не справляется».

Наташа шепнула из-за перегородки:

— Она тебя ест. Я бы ей чай с солью налила. Но я трусиха.

— Я тоже, — сказала Анна. — Пока.

Вечером студия. Дом пионеров, свёкла из столовой, мольберты. Игорь Семёнович: «Смотреть. Не жить за других».

За соседним мольбертом мужчина в свитере налил ей чи-

стой воды, не спрашивая.

— Кирилл. Днём реставрирую чужое. Сюда хожу, чтобы руки не забыли живое.

— Анна. Бухгалтер.

Он кивнул, как кивают «кондуктор». Факт, не приговор.

К концу занятия у неё вышел двор после дождя. Кривой. С лужей. Игорь Семёнович: «Не зализать».

У метро Кирилл не взял номер. Она сама дала.

Дома Олег сидел на кухне.

— Где была.

— Училась.

— Чему. Варить научись.

Анна поставила папку к стене.

— Рисовать.

Он встал. Глаза стали узкие.

— Ты сама не своя. Я переживаю. Без меня пропадёшь.

— Я уже здесь.

— Посмотрим.

Он ушёл к себе — «на пару дней подумать». Хлопнул. Анна села на пол и впервые за вечер выдохнула полной грудью. Пустота после него не была смертью. Была комнатой.

Кирилл написал через час: «Вода в банке не должна быть серой. Если дома шумно — рисуйте всё равно».

Она не знала, откуда он угадал шум. Ответила: «Шумно ушло. Банка стоит».

Потом поставила чай. Для себя. Без второй чашки «на

всякий». Вторая чашка всегда была на всякий Олег. Сняла с крючка. Поставила в шкаф. Мелочь. Громче хлопка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.